

В поставангардной культуре будущее стало предметом вожделия и заведомой ценности. Безальтернативная вера в то, что всякое новое должно приниматься как несомненное благо, лежит в основе многочисленных утопий и спекуляций. Видения будущего в таких утопиях связаны с гипермасштабами и непривычными формами. Вопрос о будущем архитектуры во многом превращается в проблему ее субстанциальной основы: полноценный образ будущего видится как архитектура из камня. Но дело не в формах и субстанциональности, а в восстановлении в обществе понимания архитектуры, сопоставимое с пониманием архитектуры прежней аристократической элитой. Потребитель архитектуры – все человечество. Как будут складываться институты мышления и деятельности, так будет складываться и будущее архитектуры.

Ключевые слова: архитектура; будущее; прошлое; развитие; деградация; понимание архитектуры обществом. /

О будущем архитектуры / On the future of architecture

текст

Александр Раппапорт
Латвия
text
Alexander Rappaport
Latvia

Не бойтесь будущего, оно не настоящее.

Спекуляция будущим

В поставангардной культуре будущее стало предметом вожделия и заведомой ценности. Будущее полагается лучшим, чем прошлое и настоящее.

Говоря «жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе», под «прекрасной порой» мы имеем в виду некоторое будущее, как правило, удаленное от настоящего настолько, чтобы никак до него из настоящего не дотянуться.

В древнем мире и в античности таким прекрасным был как раз золотой век – прошлое. Как и когда они поменялись местами? Когда и почему будущее стало лучше прошлого?

Быть может, это связано с идеей посмертного блага. То, что не удалось в этой жизни, будет достигнуто в посмертном бытии, органически устремленном, конечно, к раю, а не к аду. Ад по ошибке попадает в будущее, но его там быть не должно. Джорджо Агамбен заметил, что в раю, как в идеальном состоянии, деятельность и труд становятся излишними: блаженство мыслится как бездеятельность.

В Новое время будущее мыслится уже не как посмертное существование усопших и вечная жизнь их душ (возраст и пол душ остаются неопределенными), а как построение более справедливого, богатого и прекрасного мира на земле; будущее будет принадлежать не столько душам усопших, сколько их детям и внукам. Будущее создается ради новых поколений, и им-то придется жить в эту «пору прекрасную».

Тут уж некрасовский вздох оказывается несколько напрасным: что поделывать, такова судьба всех поколений, и нужно предполагать, что если прогресс не будет вовремя остановлен, то и детям, и внукам, и правнукам нашим уготована та же участь недостижимости полного блаженства, которое всегда, как морковка перед носом осла, останется впереди, то есть в будущем.

Революции XIX – XX веков разрушили (окончательно?) надежды на посмертный рай для душ и утвердили представление о том, что будущее теперь будет своего рода раем для новых поколений. Но все же недостаточно

продумана возникающая в такой перспективе вечная недостижимость рая для живущих в настоящем времени: ведь по идее построения коммунизма уже в самом ближайшем будущем (по пророческой фразе Н. Хрущева) кажется, что в какой-то мере это блаженство должно было наступить уже к 1990 году, а в дальнейшем лишь усиливаться.

Эта несостоятельная перспектива уже и в 1960 году могла бы показаться сомнительной, тем более обнаружилась ее иллюзорность по достижении указанных пророчеством сроков.

Но в другом отношении это пророчество остается неколебимым. А именно – в убежденности, что созидательная деятельность – проектирование, производство новых миров и все виды технического и социального развития – непременно несут в себе это улучшение. Здесь речь идет не о какой-то финальной форме рая, а об относительном улучшении земной жизни из года в год, из десятилетия в десятилетие, из столетия в столетие и тысячелетие.

Улучшается и совершенствуется все – пища, одежда, средства транспорта, архитектура, формы расселения, орудия труда, военная техника, медицинская техника и пр.

Некоторые мелкие противоречия такого тотального улучшения его не девальвируют, хотя возникает вопрос: понадобится ли в будущем, более благополучном, здоровом и справедливом мире лучшее оружие?

Хуже дело обстоит с неприятными прогнозами о неизбежном окончании жизни на земле и схлопывании вселенной. Конечно, мировой коллапс не слишком напоминает райское блаженство, во всяком случае, в его привычных образах. Но есть две возможности его преодолеть.

Первая – знаменитое бодрийяровское «откладывание на потом». Откладывается утопия или ее реализация, постоянно откладывается коммунизм и победа какого-нибудь священного учения. И это откладывание становится столь же постоянным, как и само улучшение. Точнее, тут откладывается только его финальный и совершенный итог, позволяя реальному ближайшему будущему быть все еще несовершенным.

In postavantgarde culture, the future has become an object of desire and obvious value. The uncontested belief that every new thing should be accepted as an undoubted good lies at the heart of numerous utopias and speculations. Visions of the future in such utopias are usually associated with hyperscales and unusual shapes. The question of the future of architecture is largely turning into a problem of its substantial basis. Paradoxically, the full-fledged image of the future is seen as architecture made of stone. But it is not even about forms and substantiality, but about restoring the understanding of architecture in society, comparable to the understanding of architecture by the former aristocratic elite. The consumer of architecture is the whole humanity. As institutions of thought and activity will develop, so will the future of architecture.

Keywords: architecture; future; past; development; degradation; understanding of architecture by society.

^ Кёльн. Фото Сергея Астапова

Другая возможность, воистину трансцендентная, состоит в возможности принятия финала – конца, тотальной смерти и исчезновения мира как предела возможных надежд.

Но есть и альтернатива – оценка действительных успехов в развитии техники и условий жизни, принимающая во внимание как улучшение, так и возможное ухудшение условий жизни и создающая новые проблемы. Эта альтернатива уже не располагает рекламным светлым будущим как функцией самого времени или необратимости процесса развития, прогресса. В ней будущее может быть не только улучшением (частичным или тотальным), но и ухудшением; в ней победы покупаются жертвами и достижения – проигрышами. Калькуляция позитивных и негативных аспектов развития становится более конкретной и менее рекламной деятельностью; в ней на первый план выходят сами проблемы, и идея бесконечной проблемности существования становится новым если не идеалом, то фундаментальным спутником существования.

В таком случае оказывается невозможной безальтернативная вера в то, что всякое новое (уже только потому, что оно – новое, ранее не бывшее) должно приниматься как несомненное благо. Именно такую стратегию и тактику я и назвал условно «спекуляцией будущим». Подобного рода спекулятивная логика может оказаться присущей тем авангардным и новаторским течениям, которые видят в самой радикальности нововведений и инноваций гарантию их безусловной позитивности.

Возникновение такой идеологии можно связать с обобщением опыта науки, в которой множество действительно инновационных идей приводило и приводит к решению ранее казавшихся неразрешимыми проблем. Перенос научной методологии и идеологии новаций (вплоть до безумных идей, которых требует действительно новая научная парадигма) в область жизнестроительной практики, культуры, бытия и быта не может считаться обоснованным ни теоретически, ни практически.

Этот универсальный критерий развития научного знания, конечно, имеет область разумного применения, но эта область безгранична ни в рамках самих

наук, ни тем более в рамках социальной и культурной практики.

Критика утопий и утопического сознания уже давно оказалась направленной на утопии не только с точки зрения их технической (экономической, физической и пр.) неосуществимости, но и с точки зрения их безусловной позитивной продуктивности. Опыт утопического жизнестроительства в СССР и ряде других стран показал, что эти инициативы часто приводят не столько к счастливой жизни, сколько к страданиям и даже геноциду.

Новый взгляд на подобного рода утопические и новаторские инициативы уже стал в гораздо большей мере осмотрительным. Быть может, еще не сложился новый интегральный критерий оправдания таких утопий (экологический, социологический, экономический или иной).

Однако в частных случаях установка на спекуляцию инновациями еще сохраняется. Она поддерживается уже не столько ссылками на опыт науки, сколько конкурентной борьбой на рынке и стремлением использовать феномен новизны в качестве аргумента коммерческой рекламы, хотя временные границы такой рекламы заранее не определены. Примеры такой скороспелой рекламы можно привести из области фармакологии, где сплошь и рядом на свет производятся некие новые чудодейственные лекарства, бесполезность или даже вредоносность которых обнаруживается по истечении некоторого времени.

Допустим, что в сфере фармакологии противоядием против такого рода улучшений могла бы стать более серьезная экспертиза и лабораторная проверка. Но в искусстве или архитектуре невозможно учредить институт эстетической экспертизы и отделять действительные улучшения от инновационного шарлатанства.

Дело осложняется тем, что если в фармакологии мы часто имеем дело с вполне осознанным обманом и подлогом, то в искусстве и архитектуре, напротив, скороспелые утопические проекты и новаторские идеи чаще всего становятся продуктом вполне чистосердечной убежденности авторов в их величайшей прогрессивности и жизнеспособности.

Отсутствие «объективных» критериев оценки таких проектов в какой-то степени может быть компенсировано

или смягчено свободой критики, хотя и критика может строиться на ошибочных критериях. Так что мало уповать на любую критику; необходимо выработать некоторую степень терпимости к такого рода идеям и их проникновению в жизнь, толерантность к критике, то есть темпоральной (исторической) толерантности, которая не сразу и не мгновенно оказывается способной правильно истолковать и более или менее всестороннее оценить новые идеи.

К сожалению, едва ли есть вообще какой-то простой и компактный метод вынесения суждений, и требуется постоянное совершенствование всего аппарата критической и творческой мысли, включенного в сети информационных процессов, академического образования и сотрудничества разных научных и философских дисциплин, которые только в достаточно долгое время могут сформировать не столько окончательные выводы, сколько более всестороннее и глубокое понимание позитивных и сомнительных эффектов нововведений.

Казалось бы, все это уже давно стало банальностью. Но писать об этом приходится снова и снова, так как соблазн спекуляции будущим все еще встречается в суждениях об архитектуре и искусстве.

Что же касается самых глубоких проблем в этой области самосознания, то они вновь выводят к проблематике итоговой веры в трансцендентную область благ или обреченности к умиранию всякой жизни как индивидуальной, так и коллективной.

Эта проблема оказывается выходящей далеко за рамки спекуляции будущим. В ней мы имеем конфликт основ существования человека, но обсуждение этих проблем, как и обсуждение утопий, остается постоянно «котловым», так как верх берут многообразные интересы момента и спекуляции на рынке товаров, проектов и идей.

15 октября 2013 года

Будущее архитектуры

Смешное сочетание слов – и притом весьма популярное. Какое будущее может быть у архитектуры? Архитектура вечна, и будущего у нее не может быть по определению. Спрашивается: отчего же это выражение стало столь популярным? В XX веке только о нем и говорили. Ответ, приходящий на ум, довольно прост и парадоксален. Будущее архитектуры – смерть ее настоящего; иначе какое же оно БУДУЩЕЕ? Но это значит, что оно в принципе невозможно. Но в этом-то вся и штука – архитектура сотни лет жила прошлым и вдруг, заразившись техникой, превратилась в будущее. Глупость? Нет, не глупость. Этот вопрос косвенно показывает, какова СУДЬБА архитектуры. Но ведь судьба – это то, что не имеет ни прошлого, ни будущего; она присуща самому времени, а не его месту или моменту. Будущее архитектуры тогда значит, что это будущее человека, в том числе архитектора. **НО БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА НАСТУПАЕТ, КОГДА КОНЧАЕТСЯ ЕГО НАСТОЯЩЕЕ – ТО ЕСТЬ ПРИ СМЕРТИ.** И тот, кто ждет архитектуры будущего, мечтает то ли о воскрешении после смерти, то ли о самой смерти как разгадке бытия, присущей живым от рождения. Или все же это косвенное напоминание о судьбе, в которой все будущее всегда живет в настоящем. Или в ПРОШЛОМ.

14 октября 2023 года

Выдержки из лекции «Будущее архитектуры» на архитектурном факультете Харьковского инженерно-строительного института

Мы все живем в уверенности, что архитектура развивается, а я думаю, что она деградирует вот уже две тысячи лет. Так называемое развитие архитектуры – ее катастрофическая деградация.

Возможности, которые есть у архитектуры, ограничены. Я думаю, что технический и индустриальный прогресс не увеличивает до бесконечности число возможностей; это иллюзия.

Беда современной архитектуры последних ста лет состоит в том, что архитектура, потерявшая собственный предмет, приобрела страшный аппетит к неархитектурным предметам. Архитекторы, как свиньи, жрут социологию, математику, кибернетику, экономику, физиологию и пр. ...Архитектурные теории делают вид, что они многое объясняют, но они никогда не смогли ничего породить.

Архитектура, если ей предоставить свободу творчески развиваться, в конце концов придет к ситуации, когда будут знать, что существует, скажем, всего 15 вариантов архитектуры. И не больше. Из них можно, правда, комбинировать и создавать некоторые индивидуальные сочетания. И в этом смысле я возьму на себя смелость сказать, что множество раз охаянная всеми эклектика и была всегда самым действительным прообразом архитектуры будущего. Хотя те, кто были эклектиками, считали, что число возможных архитектур создано исторически, зафиксировано и из него можно комбинировать. Они не предвидели дальнейшего развития. А что произошло с дальнейшим развитием – техницизм, модернизм, функционализм и т. д.? Можно представить себе это так: поезд доехал до конечной станции. Все сказали: «Конечная станция». А некоторые авангардисты возразили: «Нет! Еще не конечная, конечная дальше!» И поехали в депо, где лет пятьдесят строили новую архитектуру. Построили. Может, и она будет в нашем умозрительном списке, скажем, шестнадцатым номером...

А дальше у нас стоит задача понять, что вообще было в этой прошлой архитектуре, в чем была ошибка эклектики? Не то монтировали, не улавливали сути, а копировали внешний декор, потому что внешний декор передавался графически, а суть... была утрачена.

Будущее архитектуры в том, что архитектура в демократическом обществе может превратиться в ту же силу, какой она была в аристократическом обществе для аристократов. Старая аристократическая архитектура была архитектурой для немногих, но действительно понимавших, что им нужно. Сейчас архитектуру требуют все, но никто не знает, что это такое, и поэтому архитекторы предлагают свои рецепты счастливой жизни.

Будущее архитектуры – в восстановлении в обществе понимания архитектуры, сопоставимого с пониманием архитектуры прежней аристократической элитой.

Я имел счастье участвовать в полемике, организованной в Риге с американским архитектором Маркосом Новаком (Marcos Novak). Он разрабатывает свою систему. Это новое поколение виртуальной архитектуры, которая строится на компьютерной имитации и состоит в том, что моделируется компьютерное пространство, способное видоизменяться по желанию человека (дома меняют цвет, форму, этажность). Он говорит, что все идет к тому, что у каждого человека будет своя реальность, своя архитектура... индивидуальная архитектура... Но никакой индивидуальной архитектуры быть не может: архитектура вообще индивидуумам совершенно не нужна, но бесконечно нужна всему человечеству. Потребитель архитектуры – не один человек, а все человечество. Это ошибка всех современных практиков и методистов архитектуры, которые пытаются подогнать архитектуру к желаниям заказчиков (то есть индивидуального человека). Они разрушают архитектуру. И они уже, на мой взгляд, разрушили до того, что на сегодняшний день никакой архитектуры нет, а есть стандартизованный архитектурный дизайн, который я называю «геометрическим стеклянным ширпотребом».

> Александр Сигов. Мечтатель

Для того, чтобы была хорошей будущая архитектура, будущим архитекторам необходимо снова стать культурной элитой, чтобы они несли в себе новую ауру интеллигентности. Чтобы они изменили структуру никуда не годного современного архитектурного образования. Как будут складываться институты мышления, деятельности, так будет складываться и будущее архитектуры.

Я считаю, что будущее архитектуры теснейшим образом связано с победой над мегаполисом. Город давно утратил значимость места, защищающего человека, потерял свои функции, которые вполне могут быть обеспечены компьютером и интернетом.

Архитектурная критика: ее тоже почти что нет. А что критиковать-то? Каковы критерии, отличия хорошего здания от плохого?

Линия все-таки сходится в круг. Идея линейного прогресса, идея развития архитектуры не имеет будущего. Будущее имеет только замыкание на самое себя, на заглывание собственного хвоста, возвращение в этом кругу.

Ноябрь 2013 года

Будущее архитектуры будущего

Популярная в XX веке тема – Архитектура Будущего (см. книгу Мишеля Рагона с таким заглавием) постепенно сходит со сцены как порядком надоевший популярный шлягер. Причина некоторой вульгарности этой темы во многом заключается в том, что она, предполагая обозначить радостные надежды и на будущее, и на архитектуру, невольно бросает на них тень недоверия. Все архитектурные утопии столь же поддельны, сколь и неархитектурные мечты о светлом будущем.

Даже такой невзыскательный арбитр, как турист, ищет в архитектуре прошлое, а в прошлом – архитектуру. И хотя идея света из прошлого все же не прижилась, а тема темного прошлого не изжита, будущее от этого выиграло мало.

Одной из очевидных причин девальвации архитектуры будущего оказывается то, что сама архитектура символизирует трансцендентность времени, как правильно заметил в своей «Архитектуре» И. Бродский. Архитектура из камня и есть полноценный образ будущего, так

как прочность камня гарантирует хотя бы то, что нас он переживет.

Поэтому камень стал основным материалом надгробий: он символ вечности.

Но при всей своей изобретательности ни поэзия, ни философия не изобрели еще «светлой вечности», остающейся в области образов Рая. Парадоксально, что Николай Ладовский, пытаясь заглянуть в будущее, провозгласил: «Пространство, а не камень – материал архитектуры». Но, будучи человеком честным, практически он был любителем каменной архитектуры и в ней-то в памяти потомков и остался.

Аналогична судьба и иных поэтов пространства начала XX века; все они признавались в любви к пространству, неосознанно выражая при этом любовь к свету, а не к ночному пространству непроглядной тьмы.

Что касается любви к свету, то тут мало кто спросит – «почему?» Почему мы любим свет? Почему все благое и великое, все надежды и радости связаны со светом?

Немудрено ответить, что в этой любви сказывается феномен утреннего пробуждения, факт смены зимы летом, тепла костра или страха вечной тьмы по ту сторону жизни.

Роль тьмы при этом незаслуженно игнорируется. А ведь именно она-то и обеспечивает эту смену и эту надежду на счастье.

Поэтому призывы к светлому будущему, опрометчиво исключая из него саму тьму, ведут в тоскливый мир, где свет станет уже не днем, а повседневностью.

Надежды на райское блаженство в будущем отличаются от самого рая тем, что предполагают обрести его в границах жизни с ее смертельной перспективой. Упоная на то, что жизнь будет значительно продлена с помощью генетики и микрочипов, трансгуманисты впадают в обычную иллюзию инфантильного сознания, мечтающего о молочных реках и кисельных берегах.

Жизнь устроена иначе: в ней смерть и тьма занимают свое место и обеспечивают свет и пространство их вительной силой.

Но камень в действительности постепенно исчезает из архитектуры и заменяется металлом и стеклом, лишая архитектуру того достоинства трансцендентной гарантии

света, которую он нес людям в прошлом. Поэтому будущее архитектуры оказывается крепко связано с идеей камня и, не найдя в будущей архитектуре камня или его субститута, мы не сохраним в ней и всю ее субстанциальную привлекательность.

Игра слов, напрашивающаяся у русского и мастерски использованная Бродским, – аллитерация «храма» и «хлама» – касается и каменной субстанции архитектуры. На фоне каменного массива нынешние города кажутся каким-то хламом, что отчасти пытались выразить мы с О. Ермолаевой в «Архимии и абсурдкюре» в картинке под названием «Хорошие перспективы».

Стекло, сталь и бетон – три субстанции, вызвавшие противостоять камню в будущем. Все они по-своему солидны и качественны. Но, пожалуй, и стекло с его способностью покрываться пылью и разбиваться, и металл, с его неизбежным ржавлением, и бетон, напоминающий недопеченное тесто, уступают камню в своей жизненной силе. Имитации камня в фотографии на пластмассе – это уже белый флаг признания поражения.

Храм в данном случае воспринимается не функционально, а материально – как субстанция, противостоящая разрушению в отличие от хлама как продукта разрушения. Или если уже саму вечность считать функцией, то именно неразрушимая материальность субстанции камня и есть функция.

То, что самый обряд, миф и ритуал символизируют неразрушимость в действиях, говорит о симбиозе этих двух начал. Но архитектура в таком случае остается на стороне субстанции – камня, а не ритуала и культа. Поэтому для архитектора вопрос о будущем архитектуры превращается в проблему ее новой субстанциальной основы, в качестве которой пространство не годится, ибо тут в игру вступает и немедленно все побеждает время.

Вопрос, может ли «будущее» победить «время», звучит как космический каламбур.

После авангарда этот же вопрос можно адресовать и пространству. И этот вопрос утратит свой шутовской вид, если мы примем во внимание свет.

Но свет как феномен, знакомый нам больше всего по солнцу, сегодня уже сменил свой принцип абсолютизации: им стала не его светлая субстанция, а его скорость, и свет со своей скоростью оказался всего лишь мерилем пространства. Превращение света и года как универсалий жизни стало световым годом как продолжением механических измерений пространства.

Само же время, утратив свои натуральные единицы измерения и сведя их к атомарным секундам и мгновениям, преобразовалось в математические множества, ведущие в бесконечность и идеальную инфраструктуру музыки жизни, обозначенную механическим бормотанием маятника – «тик-так».

Два других козыря будущей архитектуры – гипермасштабы, мегаломания и непривычность форм, избегающих гравитационных векторов вертикали и горизонтали, – тоже совершенно ненадежны с точки зрения будущего.

Мы, конечно, видим сегодня, что вертикаль и горизонталь, созидавая свой символический крест в самом космосе, практически не встречаются (исключения, правда, кажутся, тоже есть), и во вселенной повсюду властвует сфера.

Гипермасштабы могут польстить только социуму и его земным представителям – чиновникам от власти. Для нормального человеческого существа они несносны, как музыка вокально-инструментального ансамбля с мощными усилителями басов.

Что же касается самого креста, то на нем рано ставить крест.

Всякого рода эллипсы, гиперболоиды и прочие трехмерные многообразия хороши на своем месте, может быть, внутри молекул. Но на поверхности Земли эта

область жизни уже освоена биологией, и нет никакого смысла преувеличивать ее перспективы, на которые возлагала такие надежды «архитектурная бионика».

Вопрос о взаимодействии пространства, субстанции и времени в архитектурных формах – действительно, тема Будущего архитектуры. Его можно было бы поставить на первое место, учитывая стремительное развитие техномира и появления все новых строительных материалов и форм. Но этот вопрос, лежащий в самом центре теории и философии архитектуры, почему-то до сих пор, скорее, обходится стороной, чем ставится прямо. Страхом перед этим вопросом отчасти можно объяснить и увлечение семиотикой или лингвистикой, которые к субстанциальной стороне искусства и архитектуры относятся с недостаточным вниманием.

Голос и звук речи в лингвистике и даже в фонетике постоянно уступают место бессубстанциальным и отчасти беспредметным структурным моделям.

Покуда беспредметность и бессубстанциальность господствуют в метафизике архитектуры, вопрос о взаимодействии пространства, субстанции и времени так и будет обходиться стороной.

Это не значит, что изучение моделей языка и речи, систем текстовых образований (контекст, гипертекст, и пр.) само по себе бесполезно. Напротив, исследования речевой стихии и многообразия языковых дискурсов помогли бы нам увидеть их действительные границы и тем самым обозначить границы того места, в котором они уже не действуют и в котором нам рано или поздно придется вернуть и архитектуру, и человека.

Тем самым перспективы будущего, которые до сих пор еще часто ослеплены сиянием слов, могут обнаружить реальные угрозы гибели и архитектуры и самого человека, о чем с небывалой пронизательностью писал Мишель Фуко.

Сегодня этот вопрос, к сожалению, уже едва ли может решаться с упованием на Вечность, так как все во вселенной преходяще и придется смиренно признать, что речь идет не о вечности, а о чем-то другом, что должно послужить нам достаточной опорой для переживания трансцендентности жизни.

Как будет решаться этот вопрос, пока неясно.

Не исключено, что он потребует от нас уделять больше внимания такому измерению Бытия, как индивидуальность, для которой вечность остается в силе, но обретает при этом свойство относительности. Как теория архитектуры и антропологическая этика смогут связать индивидуальность на уровне отдельного человека и индивидуальность всего данного нам феномена жизни в его временности – вопрос, о котором не стоит забывать.

13 августа 2016 года

Литература

1. Фуко, Мишель. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук : пер. с фр.; вступ. ст. Н. С. Автономовой. – Санкт-Петербург : А-сэд : А03Т «Талисман», 1994. – 405 с.
2. Бодрийяр, Жан. Общество потребления : его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – Москва : Республика : Культурная революция, 2006. – 268 с. : ил. (Мыслители XX века).
3. Рагон, Мишель. Города будущего / пер. с фр. В. Г. Калиша и Ж. С. Розенбаума ; Под ред. канд. архитектуры Д. Б. Хазанова ; Предисл. канд. архитектуры И. М. Смоляра. – Москва : Мир, 1969. – 295 с. : ил.

References

- Baudrillard, J. (2023). *Consumer society*. Moscow: AST.
- Foucault, M. (1994). *Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines [Words and things. Archeology of the humanities]*. St. Petersburg: A-cad.
- Ragon, M. (1969). *Cities of the future*. Moscow: Mir.